

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев

Трагедия в пяти действиях, и в стихах. СПб. Сочинение Нестора Кукольника «Генерал-поручик Паткуль» назван автором, вероятно, не без причины трагедией, а не исторической драмой. Слово трагедия, хотя и утратило свой первобытный, древний смысл, всё же переносит читателя в ту идеальную сферу искусства, где действующие лица являются представителями великих вопросов, великих событий человечества, где совершается борьба между двумя коренными началами жизни и где, следовательно, трагик имеет право, для большего торжества истины, жертвовать фактами, внешней вероятностью[1]. В произведении г. Кукольника одно лицо – Паткуль наполняет всю сцену; пафос (мы бы весьма желали заменить это слово другим, в угоду тем насмешливым и острым людям, которым оно не нравится, но не находим другого), его пафос – величие Петра, возникающей Руси, нового царства, нового народа... Остальные лица – Август, Карл, любовницы и министры Августа служат только рамой картине. Нам кажется, что автор употребил во зло признанное за ним право изменять события: вся его трагедия исполнена анахронизмов, на которые мы укажем ниже; во всяком случае едва ли следовало заставить Паткуля (на стр. 84) говорить о Мольере, как о живом человеке, тридцать три года после его смерти.{1} Но прежде, чем приступим собственно к разбору произведения г. Кукольника, нам хочется поговорить о самом Паткуле как об историческом лице.{2}

Графиня Кёнигсмарк[2] говорит у г. Кукольника, что

Царя Петра великое лицо

Испуганной Европе представляет

Великий Паткуль... –

и хоть тогда, за три года до Полтавской битвы, Европа не могла «пугаться» Петра,{3} – но мысль противопоставить юную Русь старой Европе, показать нам представителя нашего великого царя среди блестящего и развратного двора Августа, эта мысль действительно могла бы служить основанием замечательного художественного произведения. Как ее выполнил г. Кукольник – увидим ниже, но теперь мы должны объявить, что в наших глазах Паткуль не заслуживает чести быть таким представителем Петра. Рожденный с сердцем горячим и благородным, с умом изворотливым и тонким, он в молодости своей смело восстал за права своей родины – и пострадал за свою смелость; осужденный за позорную казнь, если не раскаялся в своей опрометчивости, то по крайней мере всячески старался загладить ее дурные последствия, просил, писал умоляющие письма; раздраженный отказом, напрасным унижением, старался отомстить шведскому правительству сперва сочинениями, потом делами; [3] вел жизнь непостоянную и беспокойную, пока Флемминг его не завербовал в саксонскую службу; увлеченный величием Петра и, быть может, патриотическим желанием упредить судьбу своего отечества, поступил в число служителей русского царя, не разрывая, впрочем, связи с саксонским двором; интриговал, запутывал и распутывал дела, беспрестанно путешествовал, вступал в сношения с правительствами австрийским, прусским, датским, а при восшествии юного Карла на престол хлопотал о помиловании. Паткуль принадлежал к числу тех странствующих второстепенных дипломатов, космополитических государственных людей, которыми тогда полна была Европа. Таков был известный Гёрц, такой был знаменитый Альберони, его современники; но Паткулю до них, «как до звезды небесной», далеко.{4} Страшная, мученическая смерть Паткуля возбудила к нему справедливое участие историков и, может быть, одна вывела из мрака, обессмертила его имя. Он предан Петру потому, что чувствовал его превосходство и предугадывал его могущество; служил ему усердно, горячо, но действовал единственно из личных выгод. Героем же он не был, хотя рисковал своей головой не раз – *c'était le mauvais côté du métier*[4], как говорят французы[5]. Читатели могут усомниться в справедливости нашего мнения; мы им представим доказательство неотразимое: собственные признанья Паткуля. Капеллан Гиельмского полка, при котором находился пленный Паткуль, Лаврентий Гаген (Hagen), а не Гагар, как его называет г. Кукольник, оставил необыкновенно трогательное, поражающее своей истиной, описание последнего дня бедного Паткуля,{5} которому он служил исповедником. Чтение этого документа, писанного на другой день казни, так сильно подействовало на нас, что мы решаемся поделиться нашими впечатлениями с читателем. Этот документ чрезвычайно интересен и в психологическом отношении: читая простой рассказ почтенного пастора, мы как будто присутствуем при предсмертных муках человека страстного, много пережившего, не слабого, но и не сильного, умного, но не необыкновенного, каким и был Паткуль... Такие люди ближе и понятнее нам, в них

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru больше принимаешь участия. Вот этот рассказ (пастор говорит о себе в третьем лице).

...Полковник за тайну сказал пастору, что Паткуля казнят на следующий день, и поручил ему объявить это пленнику и приготовить несчастного к христианской кончине. Согласно с этим приказанием, капеллан отправился к Паткулю в третьем часу дня и нашел его лежащим на постеле. Поклонившись ему, пастор попросил его не пенять на него за неожиданное посещение, тем более, что он (пастор) не сомневается в том, что в бедственном его положении ему необходимы увещания и утешения божественного слова. «Я очень рад, – отвечал Паткуль, – и очень вам благодарен; поверьте, г-н пастор, ни одно посещение не могло мне быть более приятным. Ну, – прибавил он, – что нового?» Капеллан отвечал, что он должен ему нечто сказать наедине; Паткуль встал и обратился к дежурному офицеру. Капеллан тоже подошел к офицеру и шепотом сообщил ему приказание полковника. Как только тот вышел, Паткуль взял пастора за руку... «Ах, г-н пастор, – начал он чрезвычайно взволнованным голосом, – что вы такое мне хотите объявить?» – «Милостивый государь, – возразил пастор, – я прихожу к вам с поручением Иезекии, я должен вам сказать, что Исаия сказал этому царю (Исаии, XXXVIII, 1): „Устрой в дому твоём, умираеши бо ты и не будеши жив!“» – Услышав эти слова, Паткуль снова лег, и слезы потекли у него из глаз. Пастор начал его утешать и сказал ему, что так как он искусен во всех науках, то, вероятно, хорошо знаком и с главнейшей из всех наук, с религией, и что поэтому не следует ему принимать с такой горестью и с таким волнением известие, которого он притом должен был ожидать. «Ах, – сказал Паткуль, – я знаю старинную обязанность людей – умереть когда-нибудь; но эта смерть будет мне слишком тяжка». И он заплакал горько. Желая подкрепить его, пастор сказал ему, что еще неизвестно, какой род смерти ему назначен, но что она будет тем спасительнее для его души, чем страшнее для тела. Тогда Паткуль привстал на постели и, сложа руки, воскликнул: «Господи Иисусе, пошли мне праведную смерть». Потом, обратившись к стене, продолжал: «Ах! Редукция[6] в Швеции и Ливонии была причиной всех моих бедствий». Капеллан попросил его оставить все земные помыслы, которые притом не могли не быть ему неприятными, и подумать о небе и вечности. «Увы, добрый господин пастор! – отвечал он, – моя душа – старая язва, наполненная гноем; позвольте мне сперва выкинуть вон всё, что у меня на сердце; всё это должно выйти вон. Эта редукция, которая разорила столько людей – продолжал он, – эта редукция причина всех моих несчастий. Покойный король ударил меня по плечу и сказал мне: «Паткуль, защищайте права вашей родины, как следует честному человеку». Что же мне было делать? Но злые люди всё перетолковали в дурную сторону. Да простит господь Гастёру. Он много содействовал к моему несчастью. Сначала он заманил меня, потом совсем ослепил, потом сделался моим врагом и стал меня преследовать. Скоро я увижу тебя, вместе с моими другими обвинителями, перед престолом вечного судии. Борггейм тоже много мне повредил; но он по крайней мере действовал по приказанию. Швеция! Швеция! не со смехом и плясками покинул я тебя, бог тому свидетель! Но куда мне было деться? Не мог же я спрятаться в могиле вместе с мертвыми. Я не хотел пойти в монастырь: моя религия мне этою не позволяет; у союзных держав я не был в безопасности. Мне говорят: ты пошел к нашим врагам, следовательно, ты причину этой кровавой войны. Но какой ложный вывод! Я пришел к ним как несчастный изгнанник, не как злой советник и бунтовщик. Тогда никто не полагал меня способным к тому делу, и действительно, я к этому не был способен. Когда я прибыл в Саксонию, всё уже было сделано, и конвенция с Московией была подписана, прежде нежели я что-нибудь значил...»

Пастор снова посоветовал ему не вдаваться слишком в житейские дела; но Паткуль взял его за руку и сказал: «Позвольте мне проститься с ними, с тем, чтоб уж никогда больше о них не говорить. Какой вы нации, господин пастор?» – «Я швед, – возразил тот, – родом из Штокгольма». – «Тем лучше, – отвечал Паткуль, – я очень бы желал, чтобы шведы тоже узнали истину обо мне. Господин пастор, сердце у меня всегда было шведское, хотя этому не хотели верить; но бог тому свидетель. Можно судить о моем расположении к шведам по тому, как я услужил некоторым, главным из них. Эти услуги такого рода, что, скажу без хвастовства, кроме меня, никто бы на них не решился. Часто желали меня вознаградить деньгами, но я не соглашался; я просил хотя одного рекомендательного слова при шведском дворе, с тем, чтобы опять попасть в милость. Но увы! врата кротости были постоянно закрыты для меня, бедной заблудшей овцы. Я не переставал, однако, употреблять всяческие усилия; с этой же целью поехал в Москву, когда наши посланники там были. Вы ведь слышали об этом», – прибавил он, обращаясь к пастору. «Да, – отвечал тот, – я даже имел тогда честь быть капелланом при посольстве; я вас там видел». – «А! вы там были! То-то мне и хотелось сперва сказать, что я вас где-то видел. Да, г-н пастор, –

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru продолжал он, – я старался попасть в милость через посредство царя. Но когда я узнал, что посланникам короля было приказано сыскать меня и требовать моей выдачи, я принужден был спрятаться и жить инкогнито. Тогда распустили слух, что и отвратил царя от заключения мира. Но это сделал Н.; креатура Н. [7] и другие тут участвовали, которых я знаю. Я же, с своей стороны, советовал согласиться на мир, сколько мог, советовал; и в первый же год я довел дело до того, что король шведский получил бы Курляндию, польскую Лифляндию и большую часть Самогитии, если бы хотел согласиться на мир. Полагали, что царь не захочет подписать такие условия; но, напротив, когда я ему предложил свой проект, он очень обрадовался, обнял меня и благодарил за совет. Но шведский король не согласился. Бедные пленные шведы, которых тогда было в Москве несколько сотен, могли бы тоже свидетельствовать в мою пользу. Я могу сказать, что я истратил более ста тысяч талеров, чтобы снова попасть в милость шведского короля. Ах, если бы я так же старался заслужить божие милосердие!»

Он снова заплакал. Пастор начал опять его утешать, уверяя, что еще есть время, но что не надобно медлить, что врата божьей благодати еще открыты для него. «В этом все мои надежды, – отвечал он. – Ты мой бог, ты не человек: гнев твой не вечен... Но сердце мое разрывается при мысли, что я лучше служил людям, чем богу...» Он еще прибавил несколько слов и, кончая, сказал: «Potentes potenter tormenta patientur (сильные будут наказаны сильно)». «Но, господин пастор, – продолжал он, – я, может быть, вас задерживаю своими скучными речами. Теперь, если вам нужно что-нибудь сделать... я бы желал остаться немного наедине. Попросите, также, пожалуйста, г-на полковника, чтобы меня не прерывали... я это сочту за милость». Пастор обещал исполнить его просьбу и удалился.

Когда он возвратился к пленнику, вечером в семь часов, Паткуль сказал ему с веселым и довольным видом: «Милости просим, господин пастор; я на вас гляжу, как на ангела небесного. Теперь благодаря бога у меня тяжелый камень с сердца свалился, я чувствую большую перемену в своей совести. Я рад тому, что должен умереть. Лучше умереть, чем долго томиться в тюрьме. Ах! лишь бы эта смерть была сносна! Не знаете ли вы, как я должен умереть?» Капеллан отвечал ему, что нет; но что, вероятно, всё будет исполнено без шума, потому что до сих пор в полку никто об этом не знал, кроме полковника да его (пастора). «И это милость, – сказал Паткуль. – Но разве вы не видели моей сентенции? Неужели ж меня казнят, не выслушавши, даже не сообщив мне приговора?» Пастор отвечал ему, что, вероятно, есть сентенция, но запечатанная, которую откроют только на месте. «Может быть, – сказал Паткуль, – лишь бы меня не долго мучили». Пастор подкрепил его, как только мог, – и он сам старался утешить себя словами священного писания. Между прочим, он сказал по-гречески стих из Деяний апостольских (XIV, 22): «Многими скорбями подобает нам внити в царство божие», и из Послания к римлянам (VIII, 18): «Непщую, бо, яко недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явится в нас». Он спросил потом, может ли он получить бумаги и чернил. Когда же пастор сказал ему, что да, он попросил у него позволения продиктовать ему следующее:

«Завещание, или Последняя моя воля, которую я хочу, чтобы исполнили после моей смерти.

Во-первых, чтобы мои родственники, находящиеся в шведском войске, получили должные мне суммы, в силу существующих облигаций, и чтобы его величество, шведский король, сделал милость, помог им в получении...»

Продиктовав эти строки, он сказал пастору: «Остановимся тут, это мне будет приятнее, и от времени до времени станем молиться, – что они и сделали. – Теперь, – примолвил он, – слава богу, я чувствую себя всё лучше и лучше. Ах! лишь бы меня не долго мучили! Как бы я охотно отдал всю кровь мою до последней капли, если б я мог выкупить ею свои грехи! Не правда ли, король – милосердый государь?» – «Да, – отвечал ему капеллан, – мы должны благодарить бога за то, что он нам дал короля милосердного и благочестивого». – «Это главное, – сказал Паткуль, – где страх божий, там и другие добродетели... Справедливо говорит Давид, что страх божий начало премудрости. Окружен ли он честными людьми?» – продолжал он, говоря о короле. Капеллан отвечал утвердительно. «А первый министр, граф Пипер, – что, он вельможа, боящийся бога?» На это капеллан ответил, что граф тоже неоднократно доказал свою набожность. «Слава богу, – продолжал Паткуль, – со мной, следовательно, поступят правосудно. Счастливо то царство, где господствует благочестие и правосудие!» Он начал спрашивать капеллана о Швеции, университетах, ученых, богословских сочинениях доктора Мейера. Потом он

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru заговорил о Галле и в особенности о профессоре Франке и докторе Брейтгаупте, спрашивая мнение пастора о них, а также, где он учился. «Да – сказал он, наконец, с глубоким вздохом, – да, да! есть у меня там и сям друзья, которые пожалеют обо мне и заплачут, узнав о моей смерти! Что скажет вдовствующая курфиршта и фрейлина Левольде и, в особенности, моя бедная невеста? (Паткуль был сосватан с одной саксонской дамой, по имени Эйнзидлен.) О! какое горькое известие для нее! Добрый мой господин пастор, – прибавил он, пожав ему руку, – могу я вас беспокоить одной просьбой?» – «Охотно, – ответил ему пастор, – если я только в состоянии вам чем-нибудь услужить». – «Будьте так добры, напишите бедной госпоже Эйнзидлен, моей невесте; поклонитесь ей от меня в последний раз и скажите ей, что моя смерть, как она ни позорна, все же счастлива и спасительна для меня. Это ее немного утешит, особенно если она получит письмо от того, кто был при мне в последние мгновения моей жизни. Подумайте о моей верной любви. Моя невеста теперь свободна и ничем не связана, а я умираю, преданный и благодарный ей...»

Пастор обещался исполнить его желание. Паткуль достал кошелек и разделил свои деньги на три свитка. «Завтра, – сказал он, – если угодно богу, я не хочу ничем заниматься житейским». Он предложил пастору один из этих свитков, в котором было сто червонцев. Когда же тот начал отказываться, говоря, что он этого не заслуживает, – «Ах! г-н пастор, – воскликнул Паткуль, – я часто давал по тысяче червонцев за временную услугу; вы же мне теперь оказываете неоцененное расположение и приязнь, и я бы желал быть в состоянии достойнее возблагодарить вас! Впрочем, господин пастор, я хочу подарить вам самое драгоценное мое сокровище – Новый Завет греческий, с комментарием Ария Монтана. Эта книга была неразлучна со мной во время моего изгнания. Она находится теперь у майора Гротгузена; вы можете послать за ней». Пастор поблагодарил его и обещался хранить ее всю жизнь из любви к нему. Паткуль попросил пастора поклониться майору от его имени и благодарить его за все оказанные снисхождения. Потом он взял другую книгу и сказал: «Это я написал сам. Возьмите и эту книгу, г-н пастор, на память обо мне. Она докажет вам мою веру. Я бы очень желал, чтобы эта книга как-нибудь попала на глаза королю». Пастор сказал Паткулю, что он отдаст ее полковнику, с тем чтобы тот представил ее королю. «Ах, как это было бы хорошо! – воскликнул Паткуль. – Милая книга, желаю, чтобы ты была счастливее меня. Я говорю тебе, что Овидий говорил своим «Tristes», посылая их к Августу, из места своего изгнания: «Ступай, моя книга, и выхлопчи мне то, чего я сам не мог выхлопотать». Потом он попросил пастора прочесть ему молитвы предсмертные, в особенности ту, которая начинается так: «Вечному богу вручаю я мою душу...» Он сам повторил ее с большим вниманием и тут же заговорил о суете мирской. «Бог мне свидетель, – сказал он, – что среди всех благ земных у меня сердце всегда стеснялось и что теперь, когда я знаю, что должен умереть завтра, – я спокойнее и веселее, чем бывало, на больших пирах. *Munde immunde vale*, то есть прощай, нечистый мир! Г-н пастор, уверяю вас, что часто, особенно в последние годы, я старался освободиться от мира, но не мог. Я слишком был кругом опутан. О Иисусе! буди благословен навсегда ты, разрывающий сети диавола! Сети разорваны, моя душа свободна; это дело рук могущественного Карла. Благодарение богу!.. Справедливо сказал святой Павел (к Рим. посл. VIII, 27): «Вемы же, яко любящим бога вся спешествуют в благое». «Господин пастор, – продолжал он, – я вас задерживаю; уже становится поздно, вы устали». Пастор отвечал, что нет, помолился еще с ним и кончил вечернею молитвой. «Посоветуйте мне, г-н пастор, – спросил его Паткуль, – должен ли я отдохнуть теперь немного? Я очень уже давно не спал... я очень слаб. Сегодня я не ел ничего и выпил только несколько глотков воды». Пастор ему присоветовал отдохнуть. «Итак, – продолжал он, – мое тело может теперь успокоиться на время... Завтра мне нужны все мои силы. Я должен и хочу завтра подкрепить свою душу святым причастием». Тогда он заметил время на своих часах, лег на кровать, и пастор удалился.

На другой день, 30-го числа[8], около четырех часов утра, капеллан опять явился к нему. Паткуль тотчас услышал его приход, встал и поблагодарил бога за хорошо проведенную ночь. «Уже давно, – сказал он, – я так хорошо не спал». Они оба начали молиться, и автор этого рассказа сознается, что должен искренно похвалить его набожность. Около шести часов Паткуль сказал пастору: «Во имя Иисуса, приступим к священному действию, пока шум дневный не увеличится и не помешает нам». Он стал на колени и исповедался с большим унижением. Начало его исповеди было в особенности замечательно тем, что он привел стих из Быт. XLIV, 16: «Что отвещаем господину, или что возглаголем, или что оправдимся? Бог же обрете неправду рабов своих». Потом он причастился – и, причастившись, попросил пастора читать ему благодарственные молитвы и сам повторял их за ним. Он особенно

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
одушевился при стихе:

«Подкрепи меня духом твоей радости»,
который, по его словам, был всегда его любимым изречением.

Солнце начало всходить. Он взглянул в окно и сказал: «„Salve festa dies!“ – ты день моего брака. Я надеялся было праздновать другую свадьбу об эту пору; но этот брак счастливее. Сегодня душа моя будет введена в чертог уготованный, к предвечному жениху своему, Иисусу Христу. Как я рад! С каким нетерпением ожидал я этого дня!» – Тогда он во второй раз спросил у пастора, какую смерть ему суждено умереть. Когда же тот опять объявил ему, что он об этом ничего не знает, он стал просить его не покидать его, как бы казнь ни была ужасна. «Кричите мне святое имя Иисуса, – повторил он, – это облегчит мои муки. – Взглянув в окно, – ах, г-н пастор, – воскликнул он, – вот уже закладывают телегу... Слава богу, они торопятся; мне надоело жить. – Потом, взглянув на бумагу, где капеллан начал было писать его завещание, – это все исполнят, – сказал он. Пастор спросил его, не хочет ли он подписаться, – нет, – произнес он со вздохом, – я не могу написать это ненавистное имя. Мои родственники и без того найдут, что я им оставил. Всё в порядке, господин пастор; поклонитесь им, когда вы их увидите». Он снова начал молиться, пока дежурный лейтенант не пришел за ним. Тогда он сказал, обращаясь к пастору: «Вот и подтверждение вашего печального поручения; ну, пойдете, – прибавил он, – пора, – и надел плащ, – Вы сядете со мной, – сказал он пастору, – не покидайте меня». Он сел в телегу и заставил капеллана поместиться сзади. Он обнимал и целовал его, просил не забыть поклониться невесте, благодарил его...

Таким образом они прибыли на место казни, окруженное тремястами пешими солдатами. Когда Паткуль увидел уже готовые копы и колеса, он страшно испугался, бросился на грудь капеллана и простонал: «Ах, г-н пастор, молитесь богу, чтобы я не впал в отчаяние». Пастор его начал утешать, напоминая ему распятого Христа... Тут его взяли, и пока с него снимали цепи, он читал молитву:

«О, агнец божий, ты, который, хотя невинный, был принесен в жертву на кресте...»

Когда же его привели к самому месту истязания, капитан Гиельмского полка произнес громким голосом следующую речь:

«Да будет ведомо всем и каждому, что по нарочитому приказанию его величества, нашего всемилосердного государя и короля, сей человек, который изменил своему отечеству, в возмездие за его преступления и в пример другим, долженствует быть колесован и четвертован. Пусть же каждый боится измены и верно служит своему королю». При словах «изменил своему отечеству» Паткуль пожал плечами и взглянул на небо. Потом он спросил: «Где мне стать?» И когда палач указал ему место, он сел на землю и, пока его раздевали, закричал капеллану: «Молите бога, чтобы он подкрепил меня в эту минуту...» Пастор помолился и, обратившись к народу: «Милые мои дети, – сказал он им, – скажемте „Отче наш“ за этого бедного человека». – «Да, ах, да, – сказал Паткуль, – молитесь...»

В эту минуту палач ударил его в первый раз. Паткуль закричал изо всех сил: «Сжался надо мной, Иисусе!» Однако же он получил от четырнадцати до пятнадцати ударов. Он имел дело с палачом неопытным, и казнь его была продолжительна и жестока. Во всё время казни он кричал раздирающим голосом, беспрестанно призывая Христа Спасителя. «Ко мне, ко мне, Иисусе, – кричал он, – вручаю дух мой в руки твои». После того, как его два раза ударили по животу, он уже более не кричал, он сказал прерывающимся голосом: «Отрубите голову...» – и так как палач медлил, он сам положил ее на плаху. Только с четвертого удара ему ее отрубили... Потом его четвертовали и воткнули члены его в разных местах на копы.

Мы не прибавим никаких замечаний к этому рассказу: он сам говорит за себя. Если нам возразят, что капеллан с намереньем неточно передал слова Паткуля, то мы сошлемся, во-первых, на чувство каждого читателя, а во-вторых, заметим, что шведу, желавшему оправдать своего короля, следовало бы вложить совсем другие речи в уста пленнику. Нам возразят, что Паткуль говорил под влиянием страха, близкой казни. В этом мы вполне согласимся, да мы только и желали доказать, что Паткуль не был героем. Что министры Августа и сам Август поступили с ним противозаконно, бесчеловечно, бессовестно, согласно с тем, что тогда называлось тонкой политикой, дипломатической наукой; что Паткуль своей смелостью, рвением и деятельностью оскорбил и запугал их – в этом нет никакого сомнения; но он

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru пострадал не за одну свою смелость. Читатели позволят нам сообщить несколько исторических подробностей, касающихся до заключения Паткуля. Известно, что, будучи кассиром русских войск, находившихся в Польше, генерал-поручиком русской службы и посланником, Паткуль состоял также в распоряжении короля Августа, который, между прочим, в октябре месяце 1704 года (за год с небольшим до его заключения) послал его вместе с генералом Брантом и двенадцатитысячным войском взять Познань. Осада ему не удалась; он отступил. Враги его воспользовались этой неудачей и, вероятно, уже тогда повредили ему в уме короля. Притом Август, по весьма понятным причинам, не верил в добросовестность и готов был подозревать всех и каждого: человек судит о других по самом себе. В декабре 1705 года Август имел свидание в Гродне с Петром, и именно из Гродно он послал в Дрезден приказ посадить Паткуля в Зонненштейн (его после перевели в Кёнигштейн) – в самое то время, когда, казалось, он окончательно скреплял союз свой с русским царем. Этот махиавеллический образ действия был, впрочем, совершенно в духе августовской политики. Тогда же поднялись различные толки о причинах этого приказанья. Саксонский двор обвинял Паткуля в заключении тайного трактата с императором германским (что даже довольно вероятно), в желании разъединить союзников (Петра и Августа), в оскорбительных отзывах о самом Августе. Но под этими явными обвинениями таились другие, невысказанные. Трудно проникнуть в эту мглу, распутать сети всех этих дипломатических интриг, личных неприязнен, измен и подкупов, но, по всей вероятности, Паткуль, который видел вблизи двуличность и ненадежность Августа и хотел, может быть, загладить свои прежние вины, попытался устроить то, что десять лет спустя удалось Гёрцу, то есть сблизить Петра с Карлом; а Август, с своей стороны, предчувствуя неизбежный конец войны с шведским королем и подстрекаемый своими наушниками, врагами Паткуля, желал себя обеспечить, тем более, что Паткуль сам едва ли был очень разборчив на средства. Посадив в тюрьму посланника русского царя, он подвергся (и действительно подвергся) гневу Петра; но, вероятно, успел – если не очернить совершенно Паткуля в глазах его монарха, то по крайней мере оправдать его заключение на время, потому что хотя сначала Меншиков и выступил из Польши обратно в Россию, и сам Петр не хотел дать никакого ответа епископу Куявскому, посланному к нему от Августа, пока не освободят Паткуля, но в сентябре 1706 года (то есть девять месяцев после заключения Паткуля в тюрьму) мы снова видим Меншикова и Шереметева в распоряжении Августа перед Калишем. Петр никак не мог ожидать постыдной выдачи Паткуля Карлу; узнав о ней, закипел негодованием, употребил все средства к избавлению своего посланника, хлопотал в течение целого года (Паткуль был выдан в сентябре 1706, а казнен в конце сентября 1707); но при известном упрямстве и гордости Карла никакие представления помочь не могли. Ничто не бросает такого яркого света на характер Августа, как его поведение под Калишем. Вероломный Альт-Ранштадтский трактат был уже подписан, а он – правда, нехотя – напал на Мардефельда (которого г. Кукольник упорно называет Мардофельдом), дал ему знать под рукой о грозящей ему опасности – и не посмел объявить Меншикову о заключенном уже мире. Август не был злым человеком, но совесть, кажется, в нем молчала постоянно. Двуличность его является, между прочим, в приказании, отданном также под рукою – кёнигштейнскому коменданту, – выпустить Паткуля; гнев Петра страшил Августа... Когда же Паткуля, по недоразумению, по упрямству или по корыстолюбию, выдали шведам, коменданту тайком отрубили голову.

Из всего сказанного нами мы заключаем, что Паткуль был человек умный, ловкий, может быть, слишком ловкий, искусный дипломат и хороший слуга Петру. Страшной смертью своей искупил он все прежние прегрешения и справедливо заслуживает наше сожаление и участие... Паткуль не мог не презирать Августа, его двор, его главных служителей; он чувствовал, что Петру нельзя было положиться на такого легкомысленного и вероломного человека, и старался на всякий случай упрочить за собой новых союзников; в надежде на свою посланническую неприкосновенность пустился в слишком смелые и слишком многочисленные интриги – и сам запутался в своих сетях. Мы, в приличном месте, постараемся оценить также права Карла, судьи Паткуля, а теперь обратимся к самому произведению г. Кукольника.

Уже давно (и весьма благоразумно) принято за правило, что критик не имеет права спрашивать у автора: зачем он выбрал такой предмет, придерживается такого-то мнения? – но должен сперва сам понять, какую себе автор поставил задачу, а потом рассмотреть, как он ее выполнил. Если г. Кукольнику угодно было сделать из Паткуля вдохновенного пророка величия России, представителя петровской мысли и силы, мы можем протестовать во имя исторической истины, но мы сперва должны доказать, что с художественной точки зрения автор не выполнил собственного намерения, чтобы иметь право произнести приговор над его произведением. Мы приступаем к подробному разбору сочинения г. Кукольника.

Акт первый. Действие происходит около Калиша. Входят граф Шулембург[9], саксонский генерал, известный своим незаслуженным поражением при Фрауштаде (в 1706 году) и знаменитой защитой Корфу против турок в 1716 году в качестве фельдмаршала венецианских войск, – и Смигельский, польский генерал. Смигельский, перехватив копию мирного трактата, посланного к Августу, грозит отдать «эти бумажки» Паткулю (который, заметим мимоходом, уже около года сидит в крепости); Шулембург хочет его арестовать, но Смигельский уходит с угрозами. Входит Август с свитой. Король в нетерпении ждет трактата, беспрестанно примешивает французские слова[10] ради «*souleur locale*»[11]; великий гетман коронный, Синявский, упрекает его в медлительности, с примесью латинских слов. Мы находим, что автор мог бы искуснее вывести польских магнатов, окружавших тогда Августа (тем более, что они уже не являются на сцену), – но дело не в том. Все стараются уговорить Августа вступить в битву; Август колеблется. Является Паткуль, убеждает короля, дает ему денег в билетах. Надобно «разменять»; приходит жид Леммель; Август покупает у него на все деньги разные подарки дамам. Смигельский приходит с известием о поражении шведов. Август отправляется спасать их остатки. Явление второе. Роза, невеста Паткуля, гуляет с своей служанкой. Шведы нападают на них. Август поспевает на помощь, избавляет Розу, поражается ее красотой, волочится за ней и предлагает ей ехать в Дрезден. Роза узнает, кто он, «теряется» и смотрит уже на себя, как на жертву. Август ей говорит, между прочим:

Облитая вечернею зарой,
Вы будете...

Роза отвечает: «я буду спать». Они уезжают. Неужели, думали мы по окончании этой сцены, любовник второй руки, этот мешковатый добрый малый – Август, тот пышный, великолепный, изящный Август, удачнейший подражатель Людовика XIV-го, тот венчанный вельможа, о котором нам говорит история? Неужели Август когда-либо произносил такие речи:

Инкогнито спасительный покров,
Смотри же, Фюрстенберг, не выдавать!
En homme privé[12] мы сделаем conquête...[13]
С такими grâces[14] ходили ваши руки...
Au doux plaisir de revoir, ma Rose![15]{6}

Автор переносит нас в калишский замок и знакомит с любовницами Августа: графиней Эстерлэ, княгиней Тэшен, графиней Кёнигсмарк – хотя мы, признаемся, не слишком ради этого знакомству, помня стихи:

Не дай нам бог сойтись на бале
С семинаристом...{7}

Графиня Эстерлэ «забавляется пока над полькой» (княгиней Тэшен). «Отделала порядком, будет помнить!» – говорит она другой даме в присутствии княгини; потом уходит. Княгиня Тэшен сообщает г-же Кёнигсмарк, что она разлюбила Августа и влюбилась в Паткуля. Вдруг вбегает графиня Эстерлэ, объявляет, что у ней от сырого воздуха лицо и руки посинели и что приехал Август. Август возвращается с победы, раздает свои подарки. Является Паткуль – и что тут следует?., что тут следует, читатели? известно, что: обычное распекание à la Ruu Blas, дешевый, но несомненный *soup de théâtre*[16], необходимое заключение первого акта.{8} Август, как опытный, со всеми пружинами драматических представлений знакомый актер, выслушивает до конца красноречие Паткуля. Но Паткуля удовлетворить не легко. «Я, – говорит, – понимаю ваше положение; вам стыдно у этих дам подарки отнимать; не беспокойтесь: я сам».{9} Княгиня Тэшен и графиня Кёнигсмарк добровольно покоряются, у графини Эстерлэ, отличающейся странным упорством говорить безграмотно по-французски, Паткуль вырывает футляр с брильянтами – и первому акту конец.

Второй акт. Мы в кабинете короля Августа. Флемминг просит графиню Кёнигсмарк вести интригу с Розой Эйнзидлен в пользу его (Флемминга). Графиня соглашается. Какой искусный намек на придворную «галантерейность»! Входит Август. Флемминг убеждает{10} его велеть «скорее спрятать» Паткуля и при этом случае дважды называет самого себя «лисицей». Вообще наивность – одно из главных качеств трагедии г. Кукольника. Все действующие лица друг другу тотчас верят на слово, все вслух высказывают свое мнение. В силу этой наивности графиня Кёнигсмарк тотчас выдает Августу тайну любви графини Тэшен, и Август ей тотчас верит и ревнует.

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Поплатятся и Паткуль и княгиня! (Восклицает Август.)

Сегодня же на бале дам отставку... (Княгине.)

А Паткуля...

Входит Имгоф и Пфингстен (которого г. Кукольник, неизвестно по каким причинам, перекрестил в Финкштейна) и приносят трактат Альт-Ранштадтский. Август на все соглашается; но в сепаратном пункте требуют выдачи Паткуля... Заметим кстати, не в сепаратном, но в II-м пункте трактата; всех пунктов было 22 и 1 сепаратный, в котором, напротив, сказано, что если даже все ручательства со стороны короля Августа не будут доставлены, трактат все-таки остается в полной силе. Август не соглашается. Флемминг прячет трактат за пазуху, боится, что «бабы» [17] разболтают. Начинается бал. Кн. Тэшен машинально протягивает руку и говорит: «Чуть-чуть церемония не забыла». Но Август восклицает: «Pardon, madame!» – и уходит с другой дамой; княгиня Тэшен остается одна, говорит: «Отдайте мне невинность! честь отдайте! стыд мужа!» Является Паткуль.

Ах, – говорит она, – вашу руку, благородный Паткуль!

Теперь нужна мне твердая рука,
Чтобы сойти со скользкой высоты,
Куда меня насилие втащило...

и т. д. – постоянно придерживаясь слога воспитанников старинных духовных заведений. Они оба идут на бал.

В «большой проходной комнате» {11} Август рассуждает с графиней Кёнигсмарк о своем затруднительном положении. В самом деле, потерять все – из-за Паткуля – неприятно. Но вот и он сам является с княгиней Тэшен, которая обещает обождать его на террасе. Паткуль опять пристаёт к королю... не все драгоценности выданы: нет головного убора, который Август подарил Розе. Король негодует. Но Паткуль еще не того требует. Где трактат Альт-Ранштадтский? И, не говоря худого слова, запускает руку в карман Флемминга, достает трактат, «и уж тут не шутка!» садится и читает. Флемминг «тихо» советует Августу посадить Паткуля в тюрьму. Но Паткуль вскакивает «вне себя». «Нет, – говорит, – и хочется и колется... Вы, государь, со мной протанцевали *pas de deux*». Но вдруг является Роза в головном уборе. Паткуль кричит: «Брависсимо», хлопает в ладоши и дико хохочет. «Рогов носить не буду» (продолжает он):

У каждой двери будут два арапа,
А у постели пес медиоланский!
Сон, что мне сон? я в нашей спальне, Роза,
Поставлю письменный мой стол, всю ночь
Нельзя писать и нечего, так перья
Чинить я стану; на постеле брачной
Разброшу книги, письма и ландкарты...
Вы спите, Роза, спите, почивайте!..
Форнарина Рафаэля...

Эту грудь разбей надвое...

Ах, извините, читатель: это из «Доменикина»... {12} Роза отвечает: «Жан, ради бога, Жан!» Жан ее спрашивает: «Невинна ты?» Роза: «Бог защитил меня». Жан: «Молчи!» Потом Жан представляет ее Августу, как свою невесту, а король, исполненный ревности, отдает Флеммингу ключ от Кёнигштейнской башни.

Акт третий. Мы в доме Паткуля – в Дрездене. В первой сцене он прощается с русским полковником, которому сообщает, между прочим, что у него две руки и два уха. Потом является Роза, отец ее и мать (без речей, как сказано в списке действующих лиц). Отец второпях благословляет дочь свою, мать без речей тоже ее благословляет, и все, кроме Паткуля, уходят в церковь. Паткуль остается один... Входят – Флемминг, Фюрстенберг и *tutti quanti* [18]. Они пришли арестовать Паткуля. Паткуль передает Флеммингу записку Карла, купленную им, как говорит он, «за незначительную сумму». Флемминг видит из записки, что и ему Имгоф и Финкштейн готовят гибель (о чем, разумеется, история не говорит ни слова; напротив того, Флемминг их погубил, воспользовавшись ими), и, верный системе наивности, проведенной по всей драме, приходит в бешенство и предлагает Паткулю уехать с ним в Данциг. Но Паткуль не соглашается ни на какие предложения, зовет своих людей. Они являются из потаенной двери, за которой видны три трупа шпионов. «Видите ли, – говорит он, – я свободен!

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Моя квартира с множеством секретов...

. . . хочу – пойду в темницу,
Хочу – к Петру поеду на почтовых!..
Перед моей забрызганной каретой
Вы факелы покорно понесете...»{13}

И, вероятно из дилетантизма, отправляется в тюрьму. «Боже мой! – опять подумали мы, окончив эту сцену, – неужели ж этот маркиз Фанфарон; этот новый капитан Пистоль, этот многошумный господин, который говорит постоянно „In King Cambyses’ vein“ [19], {14} – Паткуль, даже тот Паткуль, каким его изобразил г. Кукольник?»

А вот вам и замашки à la Шекспир:

Мы по старшинству
На Карла будем брызгать нашей кровью;
Мир испытает с пятнами горячку:
Но будет ли кровопусканье в пользу? –
Европа дряхлая не ослабеет,
Проспится и опять на старом месте
Откроет старую свою цирюльню..
На место, Имгоф! (Кричит Паткуль.)
По плутовству в комиссии вы первый,
По старшинству шестой... Сидите смиренно..
Есть у меня пилюли и для вас!

. . . .
Не вам ли, куклам, слабым и щедушным,
Арестовать меня...{15}
Знай наших!

В следующей сцене Август подписывает трактат, получает от русского царя курьера – и отправляет к нему посла. Входит Роза. Она просит о Паткуле – и через несколько мгновений принуждена сказать: «Я вас не понимаю, государь». – «Вот то-то же», – отвечает Август.

И я не понимал,
Чего хотелось Шарлю от меня..
А как прижал – невольно догадался!
Роза остается залогом свободы Паткуля. Подобные сцены писались тысячу раз и всегда одинаково... Кажется, не для чего на них останавливаться.

Мы переносимся в темницу Паткуля. Он собирается писать свои записки, потом говорит о своих заслугах. И здесь вычурные или неточные выражения на каждом шагу неприятно поражают читателя. Приходит комендант и предлагает Паткулю купить себе свободу – Паткуль отвечает ему речью, испещренной словами: «Крепко не хотелось», «выжить», «бабы...», отказывается, дает ему деньги и остается один. Паткуль вспоминает о Петре, который, видно, забыл его. Вдруг входит Роза. Опять обыкновенная в таких случаях сцена. (См. хоть «Marion de Lorme» В. Гюго.){16} Но Гюго не заставляет Дидие схватить Марион за шею – и вытащить у ней из-за пазухи (как у Флемминга) письмо.{17} В этом письме (украденном Розой у Августа) Петр пишет:

Пока свободы Паткуль не получит,
Петр с Августом иметь не хочет дела..
Паткуль кричит: «Ура! я не забыт!» – Это восклицание могло быть и верным и потрясающим, если б г. Кукольник тотчас же не заставлял Паткуля прибавить:

И цепи – мои венец, и стыд – порфира.
Позор в лучи величья перелился... и т. п., –
так что поневоле согласишься с замечанием одного остроумного русского критика, что слабая сторона русской литературы – вкус{18} – и (прибавим мы) чувство меры. Пока Паткуль кричит и декламирует, входят шведы и берут его. Роза падает без чувств. Паткуль прощается с ней; но читатель не тронут: вольно ж было Паткулю декламировать. Третий акт кончается.

Акт четвертый. Мы в Альтранштадте, на квартире Пипера. Послы всех держав у него в гостях. (Заметим, между прочим, что герцог Марлбург был прислан к Карлу в августе месяце 1707 г., а не в сентябре 1706, когда был подписан трактат. Но это еще небольшая историческая ошибка; у г. Кукольника Паткуль ходит на свободе в Калише в то время, когда он, по истории, уже с год сидит в Кёнигштейне. Но к

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru чему было такое великое лицо, как Марлборуг, если вся его роль ограничивается следующими словами: «Уехал!», потом через несколько страниц: «Себя, несчастный Паткуль, пощадите» – и только.) Является Карл и...

Мы никак не можем согласиться с воззрением г. Кукольника на Карла. Шведский Александр у него представлен каким-то сумасшедшим и кровожадным грубияном, который то и дело толкует о колесованье – всех и каждого... «Эх, Пипер, – начинает он, – вечно гости у тебя!..»

Дурь из костей я выбью колесом...
Насмешливой улыбки
я не прощаю... этих генералов (австрийских)
Прислать ко мне... А! Безанваль,
Сидишь, как жид...
У этой мерзкой девки Кёнигсмарк?
Вот я вас, погодите!
Сначала колесую президента,
А там и членов тайного союза!.. (Саксонских.)
Карла просят о Паткуле... А он «кричит, топнув ногой»:

Все (между прочими и Марлборуг) по домам!
Не то я вам квартиры другие отведу...
Карл XII[20] был самолюбив, горд и высокомерен, но сосредоточен и холоден. Когда он гневался, он только хмурил брови и бледнел. Впрочем, он был набожен, прост, обходителен, строго соблюдал данное слово, любил правду и терпеть не мог лести, говорил мало, вел жизнь самую воздержную и правильную, отличался бескорыстием и щедростью. Трудно решить, что в нем более поражало: храбрость или хладнокровие. Он весь и всегда был сжат и спокоен (хотя смеялся часто и охотно); страшное упрямство выражалось в его молчаливой решительности. И этот-то человек, который в веселый час говорил своим приближенным: «*Maledicamus de rege*» (давай клеветать на короля), которого поход в Россию даже не так безрассуден, как уверяют многие со слов Вольтера, {19} – этот человек у г. Кукольника является каким-то полупьяным палачом, разъяренным буйволом, сумасбродным мужиком... Хотя бы вспомнил автор благоразумный совет Аристотеля – не выводить в трагедии человека совершенно злого или совершенно добродетельного! {20} Отвращение – не трагическое впечатление. А Карл XII г. Кукольника возбуждает именно это чувство.

Область сжечь (говорит Карл приехавшему Августу)
Не так приятно, как посла Петрова
Разбить в куски, как стклянку, колесом...
Потом, опять-таки ради *couleur locale*, заставляет его говорить с Августом о сапогах своих – между тем как по истории известно, что он принял его великолепно и радушно и сам съездил к нему в Лейпциг, а потом в Дрезден. Мы также не думаем, чтобы умный и тонкий кн. Д. М. Голицын выражался так несносно неуклюже, как его заставил говорить г. Кукольник:

А ты куда, Навуходносор!..
Цыплята льстят, а ты и петушишься:
Да мы тебе не курицы...
Странное дело! Все лица трагедии г. Кукольника очень похожи друг на друга: все тяжеловаты, мешковаты и грубоваты. Почему г. автор решил придать им всем одинаковый колорит, мы, может быть, и могли бы растолковать, но мы лучше поговорим о смерти Паткуля. Вся наша душа возмущается при мысли о мученической его казни, но не один Карл тогда колесовал своих бунтовщиков. С точки зрения права Карла обвинить решительно нельзя. Паткуль был приговорен к смертной казни его отцом; не явился, когда изданы были авокатории при вступлении нового короля на престол шведский; будучи подданным Карла, явно восстал против него, вел с ним войну... след<овательно>, изменил своему государю. С своей стороны, Паткуль был прав: он желал, как мы сказали выше, упрочить судьбы Лифляндии; но мало ли споров, в которых обе стороны правы? Если бы Карл велел тотчас казнить Паткуля, история не имела бы права заклеить его неизгладимым пятном. Гораздо большего сожаления по-настоящему достоин лифляндец Пайкуль, которого около того же времени присудили к смертной казни. Пайкуль (генерал короля Августа) доказал, что он уже на пятнадцатом году вместе с родителями своими оставил Лифляндию, никогда не был на шведской службе, одиннадцать лет до войны продал свое имение в Лифляндии – и все-таки был казнен (в Швеции, в 1707 году). Но именно это обоюдное право (Карла и Паткуля) и могло бы придать трагедии истинное ее значение.

Вместо того г. Кукольник заключает четвертый акт следующей сценой: Паткуль стоит среди лагеря, прикованный к столбу. Приходит Карл и ругается над ним. Паткуль просит Карла велеть его казнить, но не мучить. Карл отвечает: «Спасибо за совет – помилования тебе не будет». Паткуль вдохновляется и рифмованными стихами предсказывает ему гибель... Карл сперва «с бешенством» кричит: «Довольно! завяжите рот ему!», потом топает ногами – вопиет: «Граф, ружья зарядить! где палачи?» – потом стреляет из пушки, бросается к барабану, бьет тревогу...

Чувство тяжелое и неприятное овладевает читателем... Точно целый оркестр заиграл на разлад... Страшно громко и страшно фальшиво.

В пятом акте сперва мы видим Августа с Флеммингом, потом является весь его двор (между прочими и князь Голицын). Август торжественно лишает своей милости Имгофа и Финкштейна и посылает их в крепость. (По истории Имгоф, более виновный, заплатил 40000 тал. и сидел до 1714 года, Пфингстен – до своей смерти, до 1733 года.) Но кн. Голицын не удовлетворен и требует бумаг посольских... Вдруг является Роза. Мы выписываем всю следующую сцену.

Роза
(протянув руку к Августу)
Пожалуйте на церковь, государь!
Там целый холм его обрызган кровью;
Крик Паткуля на площади, как ветер,
Встает и ходит, просится в дома,
Детей пугает. Надо успокоить,
Собрать в одно разрозненные члены.
В гроб уложить, похоронить с почетом
И церковь над могилою воздвигнуть!
Над гробом надпись: *salve festa dies!*[21]
Он этим словом встретил солнце смерти...
Пожалуйте на церковь, государь!..
Август
(тихо)
Не смею оглянуться, подозвать
Кого-нибудь...
Роза
Столбы, колеса, плахи,
Разнообразные орудья пытки...
Я помню их, я вижу их, смотрите:
На площади они стоят, как звери;
Шипят, железными когтями поводят...
Народ любитесь – и я люблюсь...
Смеются, я смеюсь, и вы смеетесь...
Не правда ли, забавно и смешно?..
Где Паткуль? Вот идет в плаще, без шляпы,
Смотрите: молятся, и я молюсь, –
И вы молитесь! *salve festa dies!*..
Бух! в грудь удар! И небо потемнело...
Зазеленел и заструился воздух,
Ночная птица голосом ужасным
Святое имя бога прокричала!
Два, три, четыре, пять, шесть, семь ударов!
(Плача.)
Я вся избита, посмотрите, пятна
И в голове и в сердце; я оглохла;
Ужасно больно! И сама не знаю,
Как я перенесла... Ужасно больно!
(Ровно, громко, но отрывисто.)
Пятнадцать! Вся природа задрожала,
Все чувства, словно дети, разбежались;
Мешок с костями остался и кричит
Вот этак, страшно: «Голову отрежь!»
Княгиня Тэшен
Небесный отче!
Голицын
Господи, помилуй...
Роза

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

А тут и расходились звери...
Махнуло колесо, и высоко
Огромная рука затрепетала!
Смотрите... вот другую оторвало...
Нога, нога... еще нога!.. Темно!
(Идет и чего-то ищет.)
Свети, жером, свети! Поправь фонарь!
Найдешь траву, обрызганную кровью,
Сам не срывай, скажи, сорву и спрячу...
(Остановясь.)
Как! палец, только палец и с кольцом,
С моим кольцом! А труп! Труп птицы разнесли!
Ищи, жером! ищи!..
Всё совершилось!
(Упав на колени.)

Пожалуйте на церковь, государь!

Эта сцена может служить примером того, что называется ложной натуральностью, гениальничаньем, напряженным усилием самоуверенного таланта, далеко, впрочем, не оправдывающего подобную самоуверенность. Является Фюрстенберг с известием о прибытии Петра... Голицын говорит Августу: «К ответу, государь, зову к ответу...» Роза бежит к царю навстречу и падает на пороге главных дверей...

Великий (говорит она)
И справедливый судия, суди нас!
Занавес падает.

Мы не совсем довольны этим концом, во-первых, потому, что ожидания, им возбужденные, не оправданы историей, а во-вторых, и потому, что роль такого *dues ex machina*[22] едва ли прилична великому преобразователю России.

Но не одной развязкой грешит эта трагедия. И в ней, как и во многих других произведениях русской сцены, характеристика, умение вести диалог, представить зрителям игру страстей и выгод – пожертвованы декламации, иногда довольно удачной, иногда напыщенной, всегда неестественной и однообразной. Низар некогда назвал новейшую французскую литературу – *littérature facile*[23];{21} нам то же хочется сказать и о драматических произведениях, подобных «Паткулью». Уже-ли же так трудно вместо живых людей, «*ondoyants et divers*»[24], как говорит *Montaigne*,{22} безвозвратно преданных одной великой цели или покоренных собственными страстями, но живых, действующих, борющихся и погибающих, представлять фигуры условные, впрочем, приспособленные к известным театральным эффектам, противоречащие самим себе, как неловкое исполнение противоречит задуманному намерению? Кто может наслаждаться литературным или художественным произведением, несмотря на то, что чувство истины в нем оскорблено, тот, разумеется, с нами не согласится; но мы пишем не для него. Тщетно станете вы искать во всех длинных пяти актах «Паткуля» хотя что-нибудь непредвиденное, невольно потрясающее, какой-нибудь, хотя далекий, отголосок тех «простых и сладких звуков», которыми так богат Шекспир...{23} Опять Шекспир? – спросите вы. Да, опять Шекспир, и всегда Шекспир – и не только он, но и Корнель, и даже Расин и Шиллер... Не умрут эти поэты, потому что они самобытны, потому что они народны и понятны из жизни своего народа... А пока у нас не явятся такие люди, мы не перестанем указывать на те великие имена, не для того, чтобы подражали им, но для того, чтобы возбудить честное соревнование и оправдать нашу критику. Понятно, почему русские во время младенчества нашей словесности говорили о своих Молиерах и Вольтерах; но теперь мы возмужали; и, с гордостью глядя на свое прошедшее, с доверенностью на будущее, мы можем, в надежде на собственные силы, сознаться, в чем еще мы бедны... У нас нет еще драматической литературы и нет еще драматических писателей...{24} Эта жила в почве нашей народности еще не забила обильным ключом, а неловко скрытое подражание в состоянии радовать только тех, которые внутренне согласны с г-жою Сталь, что: *la littérature en Russie est l'amusement de quelques gentilshommes*[25],{25} и совершенно удовлетворены такой невинной забавой.

Примечания

Печатается по тексту Т. Соч, 1880, т. I, с. 252–281.

Впервые опубликовано: Совр, 1847, № 1, отд. III, с. 59–81, с подписью «Т».

В собрание сочинений впервые включено в издании: Т, Соч, 1880.

Автограф неизвестен.

Датируется концом 1846 г.

Реакционно-романтические драмы Кукольника в идейно-художественном отношении противостояли прогрессивной реалистической литературе 30-х годов. Кукольник явился главой целой школы. За ним следовали такие драматурги, как Н. А. Полевой, П. Г. Ободовский, Р. М. Зотов и др.

Впоследствии в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев высказал резко отрицательное мнение о писателях «ложновеличавой» школы. Имея в виду Кукольника и его последователей, Тургенев писал, что их «произведения <...> проникнутые самоуверенностью, доходившей до самохвальства, посвященные возвеличиванию России во что бы то ни стало, в самой сущности не имели ничего русского: это были какие-то пространные декорации, хлопотливо и небрежно воздвигнутые патриотами, не знавшими своей родины».

В статье о «Генерал-поручике Паткуле» Тургенев решительно выступил против попыток Кукольника исказить историческую действительность как в изображении главного героя, его характера и поведения в тех или иных условиях, так и в деталях. Кроме того, в пьесе Кукольника Тургенев находил вычурность и неточность выражений, страсть к напыщенной декламации.

Трагедия «Генерал-поручик Паткуль» первоначально напечатана была в «Финском вестнике» (1846, т. VIII, № 3, отд. I, с. 1-117); вскоре вышло и отдельное издание (ценз. разр. 20 марта 1846 г.).

Известны отзывы Белинского об отдельных отрывках «Генерал-поручика Паткуля», печатавшихся в различных изданиях. До опубликования полного текста трагедии Белинский был склонен положительно оценивать отдельные части ее. Так, например, о «Прологе» к трагедии Кукольника Белинский писал, что он «представляет собою целое художественное произведение, – похвала, выше которой у нас нет похвал» (Белинский, т. III, с. 143).

Позже, прочитав еще две сцены из «Генерал-поручика Паткуля», Белинский высказал порицание Кукольнику за то, что, печатая отрывки из трагедии, автор «вредит полноте ее впечатления на публику, когда она выйдет вполне». Критик обещал высказать свои соображения по поводу всего произведения Кукольника тогда, когда оно будет напечатано целиком (Белинский, т. VI, с. 500).

Однако специальной статьи о «Генерал-поручике Паткуле» Белинский так и не написал. Думается, что это произошло именно потому, что в первой книжке «Современника» за 1847 год появилась большая статья Тургенева, написанная с позиций реализма, подлинного историзма и народности, свойственных статьям самого Белинского. И когда в том же «Современнике» (1847, № 3) в рецензии на роман Кукольника «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» Белинский мимоходом дал отрицательный отзыв о «Генерал-поручике Паткуле» (Белинский, т. X, с. 128), в этом, возможно, сказалось воздействие статьи Тургенева.

Условные сокращения
Архивохранилища

ГБЛ – Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чт – «Библиотека для чтения» (журнал).

ВЕ – «Вестник Европы» (журнал).

Вольф, Хроника – Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Лит Арх – Литературный архив: материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Некрасов – Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Рус Бог-во – «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед – «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль – «Русская мысль» (журнал).

Рус Пропилеи – Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Рус Сл – «Русское слово» (журнал).

Рус Ст – «Русская старина» (журнал).

Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).

Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).

Совр – «Современник» (журнал).

Т и его время – Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.

Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.

Т, ПСС, 1883 – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Посмертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1897 – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.

Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.

Т, сб (Бродский) – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч, 1880 – Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.

Т, Сочинения – Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.

Т, СС – Тургенев И. С. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1953–1958.

Т, СС («Огонек») – Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.

Т, Стих, 1885 – Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.

Т, Стих, 1891 – Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т, Стих, 1950 – Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).

Т, Стих, 1955 – Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955 (Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).

Т, Стихотворения и поэмы, 1970 – Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит, статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия).

Центрархив, Документы – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.

Сноски

1

«Насколько может трагик отступить от исторической истины? Во всем, что не

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru касается до характера действующего лица, – насколько угодно. Но характеры должны быть ему священны Малейшее существенное изменение, всякое внутреннее противоречие уничтожает причину, почему выбрано именно это историческое лицо; а нам не может нравиться то, чему причины мы не находим».

Лессинг. Гамб<ургская> драм<атургия>, ч. 1, стр. 105. (Примечание Тургенева.)^{26}

2

У г. Кукольника графиня Кёнигсмарк в 1706 году добивается аббатства Кведлинбургского, которое, по истории, она получила в 1698 году. (Примечание Тургенева.)

3

Ответ шведского правительства на манифест 1702 года был публично сожжен в Москве по наущению Паткуля. (Примечание Тургенева.)

4

это дурная сторона ремесла (франц.).

5

Известно, что и Герца казнили (гораздо с большей несправедливостью, чем Паткуля) после смерти Карла.^{27} «Mors régis, fides in regem mors mea» («Смерть короля – и моя смерть: я ему верен»), – сказал про себя Герц. Он умер с замечательной твердостью, чего тоже нельзя сказать про Паткуля. (Примечание Тургенева.)

6

Эта «редукция» состояла в конфискации многих казенных имений, которые дворянство себе присвоило или получило в дар более ста лет тому назад. Огромные земли, между прочим десять графств и пятьдесят баронств, подверглись этому конфискованию. (Примечание Тургенева.)

7

Трудно догадаться, на кого метил Паткуль. Не на Меншикова ли? (Примечание Тургенева.)

8

30/20 сентября 1707 года. (Примечание Тургенева.)

9

Напрасно Август у г. Кукольника называет Шулембурга стариком: Шулембургу было в 1706 году 45 лет; он родился в 1661 году. (Примечание Тургенева.)

10

Заметим кстати, что почти все наши стихотворцы, помещая французские слова в свои стихи, не считают е muet за гласную. Так и г. Кукольник в *sonne s'est beau!* вместо четырех (*son-me s'est beau*) – видит три слога (*ком се бо*) – в *bonjour, comtesse*, четыре (*бон-жур кон-тесс*) вместо пяти (*bonjour, com-tes-se*). Правда, эти последние слова произносит княгиня Тэшен рассеянно, до того рассеянно, что говорит *contesse*. (Примечание Тургенева.)

11

местной окраски (франц.)

12

Как частное лицо (франц.).

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

13
победу (франц.).

14
изяществом (франц.).

15
До приятной встречи, моя Роза! (франц.).

16
театральный эффект (франц.).

17
В числе этих баб находится знаменитая Кёнигсмарк, названная Вольтером самой замечательной женщиной двух столетий!!{28} И это говорит придворный Августа!!! (Примечание Тургенева.)

18
все прочие (итал.).

19
«Король Камбиз» – одна из английских трагедий до Шекспира. Там один из героев говорит, между прочим, что: «Я затоплю все планеты волнами моей крови...» (Примечание Тургенева.)

20
Ссылаемся на Норберга, де Лимие, Адлерфельда, Вольтера – на всех историков. (Примечание Тургенева.){29}

21
Здравствуй, радостный день! (лат.)

22
Буквально – бога из машины (лат.).

23
литературой легкой (франц.).

24
«колеблющихся и разных» (франц.).

25
литература в России есть развлечение нескольких дворян (франц.)

Комментарии

1
...заставить Паткуля ~ говорить о Мольере ~ после его смерти. – Тургенев при написании статьи пользовался не отдельным изданием трагедии Кукольника, а текстом, напечатанным в «Финском вестнике», о чем свидетельствует указание на с. 84. Имеется в виду следующее место из трагедии:

Они хотели напугать меня,
Скорей из Дрездена обманом выжить
И дать свободу планам короля!!
Не удалось! Я сам пошел в темницу;

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Я сделал их посмешищем Европы,
и Август с бабами теперь толкует,
как Паткуля без шума и огласки
Опять вернуть к саксонскому двору.
Комедия! Пожива для Мольера...
(акт III, явл. 3, выход II).
Мольер умер в 1673 г., а в трагедии Кукольника описаны события, происходившие в 1706 г.

2

...поговорить о самом Паткуле как об историческом лице. – Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (1660–1707) – лифляндский дворянин, в 1702 г. перешедший на службу к Петру I и в 1704 г. посланный в Варшаву в качестве русского посла; 20 декабря 1705 г. Паткуля арестовали, в 1706 г. он был выдан шведам (по мирному договору между Августом II и шведским королем Карлом XII) и в октябре 1707 г. казнен.

3

...и хоть тогда, за три года до Полтавской битвы, Европа не могла «пугаться» Петра... – Решающее сражение между русскими и шведскими войсками произошло 27 июня 1709 г. в районе Полтавы во время Северной войны и закончилось блестящей победой русских.

4

Таков был известный Гёрц, таков был знаменитый Альберони ~ далеко. – Гёрц, граф фон Шлиц Георг Генрих (1668–1719) – первый министр и министр финансов шведского короля Карла XII; Альберони Джулио (1664–1752) – кардинал «испанский государственный деятель, широко образованный, умный и энергичный человек. Цитата, приведенная Тургеневым, взята из стихотворения Гёте «Утешение в слезах» («Trost in Tränen») в переводе В. А. Жуковского.

5

Капеллан Гиельмского полка ~ описание последнего дня бедного Паткуля... – Тургенев дает отрывок из книги: M. Lorenz Hagens Feldpr. in der Armée Carls XII. Nachricht von der Hinrichtung Johann Reinhold von Patkul, Russischen Gen. Lieut. und Gesandten am sächsischen Hofe. Göttingen, 1783, ss. 4–39. Перевод – местами точный, иногда вольный и с пропусками. В отдельных местах введены фразы, отсутствующие в подлиннике, но уточняющие смысл. Кукольник ошибочно называет Л. Гагена Гагаром в примечании 24 к трагедии «Генерал-поручик Паткуль» (см.: Финский вестник, 1846, т. VIII, № 3, отд. I, с. 120).

6

Инкогнито спасительный покров ~ *Ai doux plaisir de revoir, ma Rose!* – Тургенев цитирует строки из разных мест драмы (см. акт I, явл. 2, выходы VI и VII).

7

Не дай нам бог сойтись на бале.. – Цитата из 3 главы «Евгения Онегина» (строфа XXVIII). Тургенев цитирует, очевидно, по памяти и потому не совсем точно. У Пушкина:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали...

8

Является Паткуль – и что тут следует? ~ заключение первого акта. – Вспоминая романтическую драму В. Гюго «Рюи Блаз» (1838), Тургенев имеет в виду обличительный монолог Рюи Блаза в III действии (явл. 2), в котором этот герой выступает против паразитизма королевских фаворитов, оспаривающих друг у друга власть и доходы. Аналогичная сцена есть и в пьесе Кукольника, где Паткуль в конце I действия (явл. 3, выход IX) обличает польского короля Августа и его приближенных, преступно растрачивающих средства, предназначенные на государственные нужды.

9

...у этих дам подарки отнимать; не беспокойтесь: я сам». – Цитата неточная. См. акт I, явл. 3, выход IX.

10

Входит Август. – Флемминг убеждает... – Флеминг Яков Генрих (1667–1728) – фельдмаршал, саксонский и польский государственный деятель.

11

В «большой проходной комнате»... – У Кукольника: «Боковая проходная комната» (акт II, явл. 2, выход I).

12

Форнарина Рафаэля ~ Ах, извините, читатель: это из «Доменикина»... – Приведенные две строки – слова Доминика Зампиери из пьесы Кукольника «Джулио Мости» (1832–1833), ч. I, явл. 1 (а не из его же драматической фантазии в стихах «Доменикино», как указывает Тургенев).

13

Моя квартира с множеством секретов ~ Вы факелы покорно понесете... – См. акт III, явл. 1, выходы IV и V.

14

...этот маркиз Фанфарон, этот новый капитан Пистоль ~ который говорит постоянно „In King Cambyses’ vein...” – Капитан Пистоль – одно из действующих лиц второй части исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV». Приведенная Тургеневым цитата – слова Фальстафа («В духе короля Камбиза») из первой части той же хроники (акт II, сц. 4).

15

Не вам ли, куклам, слабым и щедушным, Арестовать меня... – У Кукольника:

Не вам ли, куклам, слабым и щедушным,
Иссохшим от излишеств и разврата,
Арестовать меня...
(акт III, явл. 1, выход IV).

16

Вдруг входит Роза. Опять обыкновенная в таких случаях сцена. (См. хоть «Marion de Lorme» В. Гюго.) – В пьесе Кукольника Паткуль подозревает Розу в том, что она потеряла честь, с негодованием упрекает ее за это и отвергает предложение бежать из темницы. У Гюго в драме «Марьон Делорм» (1829) имеется аналогичная ситуация. Марьон, подобно Розе, невесте Паткуля, является в тюрьму, чтобы спасти своего возлюбленного, Дидье. Но последний отказывается получить свободу, зная, что Марьон принуждена была ради этого уступить настойчивым домогательствам начальника полиции Лафемаса. Здесь, как во многих других случаях, Тургенев стремится подчеркнуть несамостоятельность Кукольника даже в выборе сюжетных ситуаций, его слишком явную зависимость от западноевропейской драматургии.

17

Но Гюго не заставляет Дидье схватить Марион за шею – и вытащить у ней из-за пазухи ~ письмо. – Тургенев имеет в виду сцену в тюрьме из III акта (явл. 3, выход IV), о которой говорилось выше. Паткуль ревнует Розу к Августу:

Но он руки твоей не прикасался...
Того... как это... жаркие уста
К устам твоим... ты понимаешь, Роза!
Молчишь, дрожишь!.. Спасите, силы неба!
И ты жива! И нет ножа, кинжала...

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
(схватив ее за шею)
На шее пятен смерти нет... Что это?
(вынимает письмо).

Это письмо Петра I о Паткуле, похищенное Розой у адресата – польского короля Августа. В драме Гюго фигурирует письмо короля Людовика XIII, содержащее помилование Дидье и Саверни, приговоренных к смертной казни. Марьон получает это письмо при помощи королевского шута.

18

...с замечанием одного остроумного русского критика, что слабая сторона русской литературы – вкус... – Тургенев имеет в виду С. П. Шевырева.

19

...со слов Вольтера... – См.: История Карла XII, короля шведского. Творение г. Волтера. Пер. с франц. М., 1803, ч. II, с. 149.

20

...совет Аристотеля ~ совершенно добродетельного! – Аристотель пишет, что в трагедии надо изображать того, «кто не отличается <особенной> добродетелью и справедливостью и впадает в несчастье не по своей негодности и порочности, но по какой-нибудь ошибке, тогда как прежде был в большой чести и счастии, каковы, например, Эдип, Фиест и выдающиеся лица из подобных родов» (см.: Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957, с. 79).

21

Низар некогда назвал новейшую французскую литературу – *littérature facile*... – Низар Жан Мари Наполеон Дезире (1806–1888) – французский историк литературы и критик. Тургенев имеет в виду известную статью Низара, направленную против так называемой «легкой» литературы. Впервые она была опубликована в «Revue de Paris» (1833, т. LVII, № 12, р. 211–228 и 261–287). Перевод этой статьи под названием «О начале упадка легкой литературы» появился затем в «Сыне отечества» (1834, ч. 163). Позже под названием «Manifeste contre la littérature facile» она вошла в книгу: Nizard D. Etudes de critique littéraire. Paris, 1858, p. 1–21.

22

Ужели же так трудно вместо живых людей, «ondoyants et divers», как говорит Montaigne... – Тургенев имеет в виду следующее место из «Опытов» Монтеня: «Certes c'est un subject merueilleusement vain, divers et ondoyant, que l'homme: il est malaysé d'y fonder jugement constant et uniforme» («Essais de Michel de Montaigne», 1., ch. 1) (Изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо – человек. Нелегко составить себе о нем устойчивое и единообразное представление) (см.: Монтень М. Опыты. 2-е изд. Пер. Бобовича А. С. М.; Л., 1958, кн. I, с. 13–14).

23

...отголосок тех «простых и сладких звуков», которыми так богат Шекспир... – Ср. заключительные строки стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» («Чернь», 1828):

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

24

У нас нет еще драматической литературы и нет еще драматических писателей. – Ср. с начальными строками рецензии Белинского на «Шутку в одном действии» В. А. Соллогуба «Букеты, или Петербургское цветобесие» (Белинский, т. IX, с. 346).

25

...l'amusement de quelques gentilshommes... – Тургенев, видимо, по памяти и потому неточно цитирует высказывание г-жи де Сталь: «Quelques gentilshommes russes ont essayé de briller en littérature», т. е. «Несколько русских дворян пытались блистать в литературе» («Dix années d'exil», 1820, ch. XVI).

26

Лессинг. Гамб<ургская> драм<атургия>, ч. I, стр. 105. (Примечание Тургенева.) – Отрывок из «Гамбургской драматургии» Тургенев приводит в собственном переводе. См.: «Hamburgische Dramaturgie». 1767–1769. В. 1 – В кн.: G. E. Lessings Sämtliche Schriften. Neue rechtmässige Ausgabe. В. 7. Berlin, 1839, S. 105.

27

Известно, что и Гёрца казнили (гораздо с большей несправедливостью, чем Паткуля) после смерти Карла. – Гёрц был казнен по недоказанному обвинению в растратах.

28

...замечательной женщиной двух столетий!! – Вольтер находил, что графиня Мария Аврора Кёнигсмарк (1668–1728) – «женщина, известная <...> умом и красотой», имела «удивительный дар говорить на многих языках» и писала «французские стихи» (История Карла XII, короля шведского. Творение Г. Волтера. Пер. с франц. М., 1803, ч. I, с. 185–186).

29 Ссылаемся на Норберга, де Лимие, Адлерфельда, Вольтера – на всех историков. – Норберг (1677–1744) – шведский историк, автор двухтомной «Истории Карла XII», изданной в Стокгольме в 1740 г. Де Лимие – голландский историк (ум. в 1725), автор «Истории царствования Людовика XIV» (1717). Адлерфельд (1671–1709) – шведский историк, убитый в сражении под Полтавой, автор «Военной истории короля шведского Карла XII».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!